

СООБЩЕНИЯ

С. Дианин

К истории одного русского речения

Настоящая заметка отчасти навеяна сведениями, почерпнутыми из книги Г. А. Капанцяна „Хайаса — колыбель армян“: эти данные бросили свет на одно, довольно загадочное в смысле генезиса, на-смешливое речение.

Приходилось иногда слышать о человеке отзыв: „Это — настоящая *гмыра соловецкая*“. Под такой характеристикой разумелось, что дан-ный человек — унылое суеверное существо. Если кто старался себе уяснить смысл и происхождение такого речения, то, скорее всего, приходил к убеждению, что слово „гмыра“ — какое-то звукоподражание и что прилагательное „соловецкий“ характеризует унылость и мрако-бесие, приписываемые монахам — обитателям известного монастыря, расположенного на окутанном холодным туманом архипелаге поляр-ного моря.

Такое вполне гипотетичное толкование ныне приходится за-менить другим, и вот почему: слово „гмыра“, оказывается, имеет впол-не определенный смысл — оно значит по-грузински *герой* (gmiri) и происходит, как сообщает Г. А. Капанцян¹, от названия скифского племени киммеров.

Принятие такого толкования слова „гмыра“ ставит нас перед но-вой загадкой: мы приходим к необходимости установить, когда имен-но и как попало в русский язык это грузинское слово. К счастью, эпитет „соловецкая“ и некоторые исторические соображения позво-ляют построить довольно вероятную теорию происхождения обсуж-даемого речения².

Как известно, жители Соловецкого монастыря были своего рода „притчей во языцех“ в Москве при царе Алексее Михайловиче. Бу-дучи сильно приверженными к старообрядчеству, соловецкие монахи вели в течение 20 лет (1656—1676) форменную войну против царских войск, отказываясь принять культовые книги и духовных руководи-телей „никонианской веры“³.

¹ См. Г. А. Капанцян, loco citato, стр. 134, 151.

² Слово „гмыра“ встречается в украинском языке: такова фамилия одного из выдающихся современных украинских певцов. Происхождение этого слова (очевидно, тоже попавшего из Грузии) может быть не имеет ничего общего с рассматриваемы-нами генезисом речения „гмыра соловецкая“.

³ См., напр., статью: В. Н. Милосв, Ветчина Зосимы и Савватия („Живопис-ная Россия“, под ред. П. П. Семёнова т. I, ч. I. СПб, 1881, стр. 290—291).

Без сомнения, это сопротивление соловецкой монашеской общины, ее бунт против царской власти вызывали возмущенные толки среди московского боярства. В числе же приближенных к „тишайшему“ царю лиц находился и бежавший в Москву от мусульманских завоевателей грузинский (карталинский) царь Арчил Вахтангович. По всей вероятности, этот грузинский гость, иронизируя, в угоду своему московскому хозяину, над соловецкими мятежниками и прозвал их, по-грузински, „gmiri Solovetzkí“, т. е. „Соловецкие герои“. Московская боярщина, повидимому, подхватила эту кличку, руссифицировала ее и сделала из нее прозвище: „гмыра соловецкая“. Кличка эта могла сохраниться в более позднее время и попасть через кого-нибудь во вновь основанный С. Петербург, ибо в числе людей, приближенных к Петру I и принадлежавших к „потешным“, находился (до 1700 г.) сын Арчила Вахтанговича царевич имеретинский Александр Арчилович.

С течением времени классово-групповое значение речения „гмыра соловецкая“, так сказать, „выцвело“, оторвалось от первоначального объекта, стало употребляться далекими от бывшей боярской аристократии социальными группами и приобрело общепорицательный, по отношению к унылым ханжам, и несколько неясный характер.